

Комиссия по социальным
и культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

Война в сложном мире Деструкция и порядок

О гибридной метаморфозе, сложной реальности,
производстве неопределенности
и недостатках стратегии апгрейда

Александр Неклесса

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия
www.intelros.ru

МОСКВА 2016

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации РАН (Рабочие материалы). Вып. №3 (78) май-июнь 2016.

УДК 32(327) + 35(355) ББК 63.3 Ф 40

Александр Неклесса. Война в сложном мире. Деструкция и порядок / Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Вып. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия 2016. – 16 с.

Человечество в ситуации борьбы за будущее, продуцирует инновационные формы организации. Постсовременность преобразует пространства боевых операций, формируя новую норму. XX век был веком перманентной революции, XXI столетие рискует стать временем перманентной войны. Гибридная война – синтез агрессивных действий с использованием широкого спектра средств, создающих сложные комбинации прямых и косвенных угроз с целью реорганизации существующего либо утверждения иного порядка.

Научное издание

Рабочие материалы издаются в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Издание носит некоммерческий характер.

© текст: Александр Неклесса, 2016

© фото на обложке: Елизавета Неклесса, 2016

© оформление: ИНТЕЛПРОС, 2016

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН № 285 от 8.10.2002).

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

МОСКВА 2016

Александр Неклесса*

ВОЙНА В СЛОЖНОМ МИРЕ

ДЕСТРУКЦИЯ И ПОРЯДОК

И сказал Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы!
внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне.
Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро.
Быт. 4:23, 24.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ КРИТИЧНОСТЬ

Истина прозревается, а правда зависит от позиции и намерений наблюдателя. Роберту Музилю принадлежит сентенция: «Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей». Трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах житейского опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим несуществующее положение вещей.

Проблема адекватного прочтения реальности в том, чтобы в текущем увидеть настоящее, которое есть будущее в скорлупе прошлого. Востребованной оказывается способность прозревать неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт, что напоминает уникальную компетенцию Вия, могущего увидеть в мире живых нечто недоступное взору рядовых призраков. Для людей критически важно умение различать признаки и действовать в ситуации неопределенности, а в сфере политической практики – опознавать потенциальные социогены, рассеянные в современности.

Этим сложность прогностической проблематики, однако, не исчерпывается. Навык выделять из обыденного перспективное – необходимое свойство для реализации запланированного, однако зазор между способностью воспринимать мир и реальностью как таковой заполняет калейдоскоп иллюзий. Факт выше суждения, а тенденция выше факта; вторжение неожиданностей усложняет алгоритмы защиты, логику и логику планирования: неслучайно присутствие в лексиконе определения возможной реальности с иными коннотациями – *грядущее*. Мы существуем в расщелине между перепрочтениями настоящего настоящего.

Из разбора ситуации между тем вытекает следствие: успешное планирование связано не только с определением оптимального пути, но также с динамичным статусом цели. В этой связи приходит на ум высказывание Андрея Колмогорова: «Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств», – хотя на сегодняшний день это звучит, пожалуй, чересчур экзотично.

* Руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН. В прошлом управляющий Службы стратегического анализа МАПО МИГ, эксперт Совета Обороны РФ. © 2016, Александр Неклесса.

О ГИБРИДНОЙ МЕТАМОРФОЗЕ, СЛОЖНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕДОСТАТКАХ СТРАТЕГИИ АПГРЕЙДА

Беседовал главный редактор журнала «Конструирование будущего» Николай Ютанов

НЮ – Последний номер «КБ» был посвящен стратегиям, а стратегия – порождение военного дела, просто по происхождению. Хотелось бы поговорить с Вами о войнах и переменах, происходящих с войнами. В чем специфика войны в современном мире – какое у нее лицо сейчас?

АН – Война – хирургия перемен, форма результирующего насилия, кризисная самореализация политорганизма, чреватая хаотизацией, раздор, эксцесс диалога в критических и стремительных обстоятельствах. Ее лик изменчив. Войны древнего мира и античные битвы, средневековые баталии и сражения эпохи Просвещения различаются весьма заметно, однако перемены в их специфике представляются менее существенными, нежели та трансформация, которая происходит сейчас. И та, которую еще предстоит пережить.

«Человечество переходит от индустриальной цивилизации к постиндустриальной», – примерно так принято рассуждать, однако префиксы «пост», «нео», «транс» лишь констатируют новизну, не определяя ее характер. Думаю, содержательной дефиницией новой реальности является «сложный мир». Мир как пространство перманентной сборки, где события, процессы, институты преобразуются, обретая комплексный характер. В том числе – война. В эпоху Модернити эта предельная форма силового конфликта была институализирована в соответствии с индустриальным форматом цивилизации. Сегодня же в ситуации универсального транзита не только совершенствуются вооружения и военные прописи, меняется само понимание деструктивного феномена.

В индустриальном обществе война обрела черты индустриального предприятия: обзавелась стандартизованной техникой, высокотехнологичной логистикой, специфической бюрократией, подробными правовыми регламентами. Но после атомной бомбардировки Японии война эпохи индустриализма ощутила свой потолок и одновременно – новые горизонты: оружие Судного дня предопределило поиск иных средств и форм силового противостояния. Ядерный stumble block породил, в частности, феномен Холодной войны («мир, который не есть мир»), создавая и совершенствуя косвенные, ползучие, гибридные формы противоборства – расплотив на планете локальные войны и конфликты разной степени интенсивности: Корея, Вьетнам, Африка, Ближний Восток... Холодная война в каком-то смысле уже была транс-ядерной, т.е. ее сценарии, конечно, учитывали возможность применения ракетно-ядерного оружия, но строились таким образом, чтобы избежать подобной смертельно опасной коллизии.

Военное противоборство, трансgressируя обретенный цивилизацией барьер (делегитимацию и криминализацию войн), избегает по возможности официального декларирования и открытого применения национальных вооруженных сил, трансформируясь в синтетическое межведомственное и обезличенное действо. Пересматривается и формат прямого боестолкновения – сегодня предпочтение отдается дальнодействующим и высокоточным межвидовым средствам, применяемым в различных операционных средах. А в сценариях вероятных конфликтов в предвидении серьезных перемен больше внимания уделяется картографии будущего: многомерности боевого пространства, нетрадиционным ситуациям и симбиотическим формациям.

Об усложнении военного искусства свидетельствует развитие профессионального языка. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность»,

«комплексность». Речь, по сути, идет об активной разведке будущего и его опережающем деятельном освоении. Анализируются отдаленные и гипотетические обстоятельства, определяются пути преадаптации, средства купирования тех кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка возможных конфликтов в стилистике многозначности сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии их зачатия. Еще одна актуальная категория – презмтивность, корень слова – «пустота», т.е. имеется в виду выявление и заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Разговор следует вести не только об изменении представлений о войне, но, скорее, о перерождении самой природы вооруженной борьбы. Война становится более сложным искусством, сопряженным со становлением подвижного, комплексного мира с расширяющимся спектром возможностей и рисков. Объекты разной сложности подчиняются несовпадающим законам. Военная теория индустриального толка критикуется и корректируется; в частности, стали модными китайские исторические трактаты, в которых постулируется, что воевать на поле боя – дело неудачников в политике и стратегии. В битве за будущее возрастает роль социокультурного конструирования. Прежнее целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, оказывается своеобразной обузой, выкачивающей ресурсы и ограничивающей свободу действий.

Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и как результат – уклонение от физического овладения территорией и прямого боевого столкновения, хотя рецидивы случаются. Примером территориально-властного мышления явилась недавняя Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как правовая, геоэкономическая и геокультурная проблематика остались на периферии рассмотрения и стратегирования. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет об эффективной кризисной реконструкции: в своей основе это проецирование воли, имеющее конечной целью установление иного порядка.

ВЛИЯТЕЛЬНАЯ ТЕНЬ И ЕЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ

НЮ – Большинство экспертов и специалистов говорят сейчас о новой технологической платформе для ведения военных действий. Огромные боевые роботы, рои роботов, беспилотные аппараты – и наземные, и летательные, и водные. Насколько новые технологии изменят облик войны, и как они скажутся на военных стратегиях?

АН – Индустриальная цивилизация произвела на свет высокотехнологичную деструкцию. Но в постиндустриальном понимании войны техника уничтожения не самое главное. Да, растет эффективность традиционных вооружений, совершенствуется оружие как массового, так и селективного поражения, высокоточное, противоракетное, развиваются средства радиоэлектронного воздействия, разведки и непрерывного наблюдения, создаются роевые системы, разнообразные дроны, экспериментальные образцы «разумной пыли», другие дистанционные, роботизированные средства рекогносцировки/поражения, информационные платформы, интегрированные с автоматизированной боевой сетью, и даже экзотическое умное оружие: автономные системы, снабженные искусственным интеллектом. Особый технический кластер, имеющий перспективу, – создание высокоэффективного мобильного оружия для локальных и самостоятельных боевых групп. Но в войну нельзя играть одной мастью – только «пиками», козыри также переменчивы – исключительное внимание к технике все же особенность индустриального понимания войны.

К тому же выявляются серьезные проблемы. Увеличение закупочных цен на новые виды оружия устойчиво превышает темпы роста военного бюджета, а стоимость обслуживания возрастает еще быстрее, причем большая часть этой техники никогда не используется на поле боя. Смысл боевого инструментария – обеспечить победу в конфликте. Но что если генеральные цели отчасти или даже преимущественно могут достигаться за счет применения иных средств, не из реестра привычных вооружений? В таком случае логична переоценка сложившейся номенклатуры и объемов производства, что, конечно, является проблемой и закладывает предпосылки серьезных противоречий.

Военная машина – это мощь, способная воздействовать на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но отбрасывая влиятельную тень. Сегодня опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки традиционных боевых регламентов. Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая высокие гуманитарные технологии – high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации, венчурные организмы. Расширился и диапазон противоборства: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – психолого-социальный домен.

Постсовременная война обновляет инструментарий, обретая не только сложную технику или комплексные технологии, но также компетентных профессионалов: сложноорганизованных солдат, операторов и командиров. Поддерживать синергийный тип военной организации возможно лишь при наличии суммы определенных человеческих качеств, существенного культурного капитала, особенно в форме неявного/личного знания, моральной устойчивости и когнитивных способностей, интеллектуальных преимуществ и кросс-культурных компетенций. На подходе (в экспериментальной фазе) психофизическое модулирование. В военных операциях существенным преимуществом является присутствие компетентных профессионалов – хорошо вооруженных и защищенных людей, владеющих не только военными искусствами, но также другими квалификациями, составляя в сумме мобильные модульные организмы, способные оперативно купировать чрезвычайные и нестандартные угрозы, ориентироваться, адаптироваться, неоднозначно мыслить и автономно действовать в ситуациях неопределенности.

Война – разрушительное усилие, т.е. сумма действий, опровергающих сложившиеся обстоятельства. Ключевой вопрос – конечная цель военных усилий и траектория ее достижения. При планировании кампании могут быть применены различные по эффективности методологии анализа-действия-управления. За период после «горячей» мировой войны прошлого века сменилось несколько методологических платформ, связанных с анализом многофакторных ситуаций и управлением масштабными событиями: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная) динамика, управление матричное, косвенное (рефлексивное, точечное, поведенческое), синергийное (переход от поведенческих аттракторов к ценностным). На основании данных методологий создается методический и технологический инструментарий, применяемый при разработке и реализации военных операций.

НЮ – А можно примеры? Особенно про «верхние этажи».

АН – Например, в операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником – учет ментальности Саддама Хусейна, предполагая высокую вероятность существенного изменения им характера иракской обороны при признаках продвижения войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. Однако движение американских частей, якобы направленное в центр страны, образовало дугу, вонзившуюся в оборону

оккупированного Кувейта, действительно ослабленную из-за перегруппировки элитных частей. В результате цели кампании были достигнуты без сколь либо существенных потерь.

НЮ – А вторая кампания? Там же явно другая схема.

АН – Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с точечным («акупунктурным») управлением, к примеру, блокированием счетов избранных лиц, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования. В результате собственно военная кампания по полному разгрому иракской армии была проведена за три недели. Однако ее цели были спланированы в рамках прежней военно-политической логики и соответствующих схем.

Операции на Ближнем Востоке, в определенном смысле не имели временной границы. Скорее они вписывались в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, состоящей из следующих элементов:

- поддержание высокой боеготовности элементов войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- внешний контроль над ключевыми/критическими зонами и окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и синергийного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

В пределе же важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание инфраструктуры координации, контроля и управления в подвижной, децентрализованной среде – там, где «события руководят планами». При этом возможен пересмотр принципов физического, территориального доминирования, в результате чего значительная часть военной нагрузки может быть передана союзникам и партнерским коалициям. Боевые и технические задачи могут решаться даже теми силами, которые в прежних сценариях расценивались как противники. То есть сегментированный «противник» отчасти сам выполняет комплекс операций, особенно тех, которые по тем или иным причинам избыточно обременительны.

НЮ – Ну, такой ход достаточно понятен. Особенно если противник живет в другом типе войны.

АН – Исторические и политические ландшафты изменяются не только посредством войн, однако неумелая реконструкция может привести к прямому применению вооруженных сил. Стратегический просчет Сталина в свое время обернулся колоссальными человеческими и материальными потерями для СССР, примерно то же можно сказать о его послевоенной внешнеполитической растерянности, приведшей к Корейской войне и вписавшей страну в невыгодный контур мировых связей. Кризис 1953-го, равно как и 1966-68 годов также предполагал выбор путей в будущее, что отразилось в серьезных, хотя и подковерных, схватках элиты, включая советскую. Если же оглянуться на недавнее прошлое, можем вспомнить 2003 год, когда Франция, Германия, Россия оказались солидарны в негативном отношении к

перспективе новой иракской войны, и проступал облик иной Европы, нежели мы видим сегодня...

Или обратимся к коррективам, которые вносит сейчас в проблематику мироустройства доктрина Обамы. Соединенные Штаты вплотную приблизились к ресурсной независимости, включая энергоресурсы (по крайней мере, в рамке американского континента), что стимулирует снижение военно-полицейской активности, особенно, когда та или иная ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности. Императивом века становится не наличие традиционных ресурсов, но технологическое и антропологическое продвижение, экономики же ранжируются в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобным. Впрочем, это, наверное, уже другая тема, «другая история», как приговаривали любимые Вами братья Стругацкие.

Еще одна паравоенная повестка – экспансия культуры смерти и трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Не касаясь подробно проблем суицидального терроризма, замечу, что «шахидизм» как новый формат *антропологического оружия* вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, его корни вероятно глубже, а перспективы шире. Квази-ислам возможно вскрывает еще более опасные формы агрессии по отношению к современной культуре и цивилизации, колонизируя земли, где социальный и культурный императив замещается психологической доминантой. Подобное расширение военной проблематики вновь вводит в оборот тему различения и сопряжения усилия и насилия.

ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

НЮ – Полвека назад Герберт Маршалл Маклюэн писал: «Истинно тотальная война – это война посредством информации. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации – это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все. Войнам в прежнем смысле слова мы отводим место на задворках вселенной». В современном подходе – это же не просто гипертрофированные пропагандистские сражения?

АН – Интересна двусмысленность, присутствующая в этих словах, учитывая сопутствующий основному тезису обертон – расползание горячих локальных конфликтов в те годы на «периферии человеческой вселенной».

Что же касается основной мысли Маклюэна, то она вполне отражает *Zeitgeist* информационной эпохи. Как в экономике произошел сдвиг в направлении нематериальных активов, так и в иных сферах, включая военное искусство, наметилась экспансия творческих преобразований. Правда, возникает вопрос о соотношении категорий и метафор, различении борьбы и войны, силы и насилия. В пределах нового века «универсальная война» (если считать таковой) не ограничивается модерацией поведения и впечатыванием картины мира посредством коммуникаций. В ходе революции элит доминирование обретается все-таки не управлением стереотипами, но усвоением сложных практик, адекватных вскрывшейся нелинейности социокосмоса. Модификация среды вкупе с революцией сознания повышает вероятность аутотрансформации и универсального переворота (сингулярности).

Популярная гибридная метаморфоза может рассматриваться как возникающее свойство – коррекция стереотипа летального, кинетического насилия за счет переосмысления феномена и сопутствующей имплантации нетривиальных активов в ткань повседневности. Будущие битвы

становятся более сложными, характер угроз – неопределенным, состав союзов – непостоянным. Перемены в пространствах военных операций выявляют нетривиальные проблемы, формируют новую норму, стимулируют создание инновационных средств господства. Военные операции «будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (генерал Дэвид Дж. Перкинс). В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение социальных взаимодействий, кодов дипломатии и суггестии, скорости реакции, мастерства в создании ситуаций «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником. Стремление к нанесению разрушений и потерь все более замещается захватом стратегической, психологической, информационной инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства и конфликтов в кругу лиц принимающих решения, подавлением воли, подведением к принятию критически неверных решений.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов стимулирует ревизию законов войны, пренебрежение ее традициями и ритуалами. Коррекция включает переоформление круга законных целей, статуса комбатантов, состава привилегированных и непривилегированных страт. И, коль скоро, существенно меняется статус средств информации, то естественно, что происходящие в этой сфере изменения затрагивают не только дистанционных операторов, находящихся на территориях других стран, или руководителей операций двойного назначения, но также, к примеру, военных корреспондентов.

НЮ – То есть война становится такой неперменной и универсальной технологией? В свое время было конверсировано понятие стратегии, которые с легкой руки Мацушита Коносуке быстро вошли в практику мирной жизни. Сформировался другой тип мышления, ориентированный на цели, задачи и пути их решения.

АН – Я бы сказал несколько иначе: война обретает более широкий, нежели сугубо милитарный смысл. Этот процесс можно толковать двояко: (а) как силовую экспансию и экспликацию, то есть внесение в мирные виды деятельности сурового подтекста – опознание и использование их в качестве оружия; или же (б) воспринимать как специфическую пасификацию, при которой качества и формат военных действий по-своему социализируются и гуманизируются. Дело тут, скорее, в степени удержания морального императива. Комплексный мир интегрирует то, что некогда было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное и групповое развитие вновь сливаются в единый фрактальный континуум. В неотчетливой, синтетической вселенной ценности – источники социокультурной гравитации: целостность оказывается результатом непрерывного продвижения к цели, ее постижения.

Художественные гештальт-интерпретации провоцируют и опережают аналитический дескрипт подобно превосходству сверхдальнего взаимодействия над процессами с темпоральной компонентой (к примеру, связанными с вычислением). Военное искусство как агрессия, так и война с напастью – составная часть человеческой природы, действие, в конечном счете, обращенное на самого носителя несовершенных свойств и совершенствуемых умений: сопряжение оголодавшего либо уязвленного естества с земным или трансцендентным сопротивлением. С этой точки зрения война, будь то усилие или насилие, принуждение или сопротивление, уже разлита во всех формах человеческой деятельности. В контексте универсального усилия категория победы утрачивает значение события, обращаясь в последовательно-динамичную, эмерджентную категорию.

НЮ – Как на этом фоне выглядит Россия? Есть ли у нас методы, методики, технологии, сравнимые с теми, которые применяют США?

АН – Речь идет не только о методах/технологиях, однако, в этом месте беседы, чувствую, нужно сделать шаг в сторону. Мы оперируем понятием «сложность», но, боюсь, как бы не возникла абберрация в восприятии данной категории. Сложная система – это не запутанный блужданиями в «дурной бесконечности» лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная, многофакторная, развивающаяся динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых, неочевидных, странных закономерностей бытия. Ее отличительные свойства: способность к обильному производству разноречивой информации, самоусложнению и самоорганизации, наличие фактора неопределенности (протейную природу подобных систем зримо продемонстрировали эксперименты с плазмой в космосе). Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля и Эдварда Лоренца данная проблематика стала одним из генеральных направлений исследований.

Человеческий интеллект способен преодолевать шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что представляется простым и очевидным, постигая умом комплексный характер реальности, физической и социальной, которая зависит от позиции и намерений участников-наблюдателей. Процесс, отчасти, подобен подстриганию английского газона, он требует сосредоточения опыта и персонального мастерства, но также – подлинности в промыслении оснований и непредвзятости в представлениях будущего естества. Прежняя система при этом пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять развивающуюся и самоорганизующуюся сложность.

Продвижение в будущее в России в последнее (продолжительное) время мыслилось и деклариновались как удержание улучшенной версии настоящего, т.е. в русле редуцированного концепта развития – аморфно-позитивных настроений и представлений, попыток апгрейда прошлого в стилистике индустриально-экономических реформ (наряду с насаивающимися симптомами неоархаизации). Пример отягощенной редукции я уже, кажется, приводил, обмолвившись об экономистичном подходе к исчислению развития, причем на основе дремучих показателей, наподобие ВВП, но разве развитие нации сводимо к экономике, а достижения экономики к росту ВВП? С российским ВВП вообще забавно выходит. Люди выкапывают из земли то, что в ней находится, а получается, будто они это измыслили-изготовили-произвели, что лишний раз подтверждает – ВВП негодный инструмент. Данное рассуждение – запись на полях более широкой темы, равно как маргиналия и по отношению к основной теме беседы, однако в экономике виден тот же вектор перемен: ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческого и культурного капитала. А вот тут у России как раз проблема.

Россия, как и ряд других стран, оказалась в полосе отчуждения от постсовременности и, судя по всему, пребывает в некоторой интеллектуальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства управления в комплексной среде: они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или отчетливыми моральными качествами, карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Кроме того, в стране, фактически, нет ни общей, ни профессиональной интеллектуальной инфраструктуры соответствующего класса. Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в России. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования влекут последствия: постиндустриальную контрреволюцию, дефицит культурного капитала,

профанацию и утрату идеалов – универсальными ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. В результате Россия пребывает в очаровании методов XIX – первой половины XX века. Воевать «против кого-то» – это ментальность рефлекторного типа, настоящая проблема – проникновение в будущее, эффективное его освоение.

Интеллектуальное и моральное банкротство влечет поражение. Разновекторный статус конфронтации – *туман мира* как гротескный субститут суперпозиции: симптом погружения в перманентную неопределенность «ни мира, ни войны». Отыскивая объяснительную предпосылку, в пору задуматься о схожести (когерентности) нелинейной политологии с постулатами неклассической физики. Кстати, нынешний министр обороны США Эштон Картер имеет два высших образования: он специалист по средневековой истории и доктор теоретической физики.

НЮ – Что ж, все происходит в точном соответствии с теоремой Гибсона: «Будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено». Мир же принципиально неоднороден, и пространственная локализация разных фаз развития – тоже.

АН – Или, если развернуть тезу, футур-история как продвижение в инакость формируется в центрах, где сплетены нервы мира и творится будущее. Оттуда оно распространяется по планете – обретается партнерами, которые соучаствуют в производстве, но не иницируют его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; наконец, теми, кого данный процесс вытесняет на пепелище истории, отчуждая от будущего.

Будущее отрицает прошлое, утверждая в действительности, т.е. прораскивая, рассеянное в нынешнем множество настоящего. Как результат, творятся радикальные, хотя не сразу и не всегда очевидные метаморфозы, конструктивные и деструктивные. В цивилизационной ткани образуются прорехи, в их числе травматические инклюзии наподобие ДАЕШ/ИГИЛ (*запрещенная в России организация – ред.*) – пространства демарша против своекорыстия и меланхолии цивилизации, где происходит материализации глубин подсознания, агрессивнo-эскапистских грез в стилистике а la «Дюна». Присущие тому же ИГИЛ активизм, акционизм, утопическая футуристичность, элементы политического франчайзинга и даже спорадически взлетающие «черные лебеди» вызывают резонанс, провоцируют возмущения в среде людей, фрустрированных изъянами глобального сообщества.

Такие квази-государства – образования, в сущности, не столько фундаменталистские, сколько постмодернистские. Это «пена дней», в ИГИЛ даже ислам весьма специфический. На зыбкие территории стекаются люди, которых по разным причинам мейнстрим цивилизации активно не устраивает, и они ищут компенсацию в иных версиях реальности. Данные политико-психологические локусы – будь то ИГИЛ или Донбасс – контркультурный фетиш, который мыслится и реализуется симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования, экзистенциальный транзит, конвертация безнадежного социального отчуждения в обнадеживающее культурно-конфессиональное, сопряженное с сепаратными картами будущего. Человеческая вселенная оказывается не многополярной, а многоуровневой, слоистой, и подобно физической вселенной или швейцарскому сыру – с червоточинами.

КИТАЙ, СТРАНА ОTCОВ И ЛОВУШКА ГЕДЕЛЯ

НЮ – То есть, если обобщить, в ближайшем будущем нам потребуется полное переформатирование понятия «война» в массовом сознании? И с учетом неравномерности распределения будущего по территориям, и с учетом новых методологий?

АН – Описание это интерпретация, для эффективного поведения оно необходимо, но недостаточно. Конструирование (прописывание) будущего сопряжено с проблемой: *настоящее будущее* – иное состояние человеческой вселенной по отношению к уже известному, т.е. прошлому. Сознание не сталкивалось с массовым проявлением новой феноменологии, и ему неизвестны возникающие в подобной среде закономерности. Однако военному искусству свойственна презумпция реализма – слишком жестко здесь проверяются идеи и предположения практикой. Этот специфический здравый смысл обоснован особым характером принимаемых решений, высокой ценой отданных приказов, возможностью внезапных перемен, неожиданных болезненных потерь, чувствительных неудач, синектрических эффектов. Феномен войны приходится адаптировать и к существующему положению вещей, и к вновь возникающим обстоятельствам, причем оба регистра могут активироваться одновременно. Стратегическое планирование существенно отличается от оперативного: доминанта первого – контекст, результативность второго – текст.

И да, приходится размышлять, как именно будет происходить трансформация феномена, продолжим ли мы по-прежнему оперировать категорией «война» в грядущей исторической ситуации? Сегодня все чаще используются эрзац-определения: «асимметричный конфликт», «силовое противоборство», «принуждение к миру», «гуманитарная интервенция», «миротворческая», «стабилизационная» или «анти-террористическая операция» и т.д. Китайцы, признанные авторитетами в гибридных и теневых войнах, утверждали, что воевать нужно косвенно, без формальных деклараций, оттягивая начало собственно боевых действий, осуществляя «реконструкцию реальности» как альтернативу «нанесению ущерба».

Кстати, в Китае не так давно была опубликована интересная статья «Реформа Структуры, позволяющая реформировать Систему, является наиболее важной» – о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном. Смысл в том, что, на первый взгляд, продвигаться в будущее можно просто улучшая инструментарий и технологии. Заметно более высокий уровень – реформирование системы действий, т.е. совершенствование правил игры. Существует, однако, третий уровень (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь), для которого важно вот что: какие бы изменения в системе не производились, последняя пребывает в геделевской ловушке, пока не переосмыслит субъектность реформирования и не изменит ее, внося подвижность в структуру властной инициации перемен. Иначе субъект реформирования будет имитировать, а не эмитировать будущее, пытаясь на деле улучшать или иным образом удерживать принципиальную архитектуру status quo, определяющего его собственный статус. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

НЮ – Как и в случае с новыми способами ведения войны напрашивается пример.

АН – Развитие как постижение и созидание сложной реальности аккумулируется и проявляется в культурных и антропологических результатах. Если «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено», то из обитателей количественного индустриализма люди (в персональном статусе) мигрируют в несуществующий до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая первенство качеству среды и личности, что и является источником/критерием перемен (т.е. эволюция особей влечет эволюцию сообщества). Примерный аналог подобной ситуации – генетическая мутация в биологическом организме, когда уникальное (т.е. единичное) событие способно преобразить и преобразовать всю систему. Ответ же на Ваш вопрос о социальной аппликации – формирование в теле распадающегося политорганизма контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством.

Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема сложна по своей антропологической природе, поэтому как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Иначе говоря, стратегирование должно быть диалогично и диалектично (причем с привкусом негативной диалектики), а не монологично и нормативно, т.е. реформы (как структурный транзит) предполагают испытание будущим, перманентный властный диалог, наличие критического класса. Эффективность системы сопряжена с развитием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и высокой адаптивности (жизнеспособности и вариабельности), а не просто с контролем, управлением и целеполаганием.

Решающую роль играет доминанта: преобладание поисковой либо охранительной активности. Нарастание оборонного сознания проявляется в логике российского законодательства, нацеленной, в частности, на консолидацию силовых и политических механизмов. Так, согласно введенному с 1 января с.г. «Плану обороны на 2016-2020 годы», при возникновении кризисной ситуации «наряду с Вооруженными силами, другими войсками и воинскими формированиями к территориальной обороне привлекаются силы и средства всех федеральных органов исполнительной власти, региональных администраций и местного самоуправления» (Валерий Герасимов). В данную логику вписывается и создание института Росгвардии, соединившей военные и правоохранительные структуры.

Косвенный, но многозначительный симптом диссоциации: Джордж Буш-младший, который действовал в категориях апгрейда, России был внятен, а стратегию Обамы уже плохо понимают. Равно как и зигзаги нынешней президентской избирательной кампании в США.

НЮ – Есть ощущение, что проблема апгрейда – это проблема системная. Невозможно же пересобирать, конструировать будущее в какой-то одной части системы – и апгрейдить другую. Или вообще не апгрейдить.

АН – Ну, почему же, модель слоистого универсума как раз об этом – все дело в том, насколько целостной является система, или же речь идет о сумме сопрягающихся, однако, фактически, автономных систем. Мир не без химеричности. Причем со-бытиё разнородных политорганизмов в одном хронотопе стимулирует не только развитие, но также цивилизационную коррупцию, портит историческое и этическое зрение, поощряет мимикрию, провоцирует демонстрационные эффекты. Вот опыт Северной Кореи под боком – вполне отчетливый апгрейд, даже какой-никакой ракетно-ядерный прорыв реализован.

КБ, как я знаю, тесно связано с движением российских фантастов. Если не ошибаюсь, соотношение апгрейда как модернизационной иллюзии и действительного кризиса перехода одна из ключевых тем (если не основная) братьев Стругацких. Это не только рефлексия на тему практически универсального (в их ментальной вселенной) прогрессорства. Вот, к примеру, частный эпизод из «Обитаемого острова»: оппозиция вкупе со Странником собирается свергнуть диктатуру Неизвестных Отцов, т.е. олигархию, однако мыслит власть, в сущности, в прежних категориях, совмещая понятия *власть* и ее *аппарат*, смешивая вплоть до аберрации *суверенитет нации* и производный по отношению к ней *вассалитет государства*. Поэтому и нет желания отказываться от излучателей.

Поясню, речь идет не о способе решения возникшей дьявольской альтернативы, а об основаниях и, главное, горизонтах политической позиции. На том этапе вроде бы вынужденной, однако, рискующей оказаться инвариантом. В то время как реальное будущее предполагает переворот, т.е. консенсус на ином, скальном, основании и восстановление утраченного. Власть

метафизична, действительная катастрофа – крах мировидения, коррупция и растрата ценностей. Может поэтому Страна Отцов «остров», хоть и обитаемый.

НЮ – А были ли в России попытки не апгрейда, а создания нового консенсуса?

АН – В начале прошлого века – системная революция, у которой было несколько движущих сил, в результате основной конфликт развернулся не с прежним властным субъектом, а между ними. В любом случае революция предполагала реальную смену элит и версии нового общественного договора. Схожее ощущение было на излете 1980-х, однако в 1990-ых не произошел пересмотр социополитического кода. Случился «противоход», почти как в «Обитаемом острове», сопряженный с ползучей санацией гражданской самоорганизации, уплощением народного (властного) представительства. А затем все пошло по накатанному маршруту, включая «сохранение излучателей», но в усовершенствованном, согласно логике апгрейда, виде. Однако система, которая себя перманентно реплицирует, пусть и в иных личинах, внутренне существенно архаизируется – это ведь своего рода социальный инцест.

НЮ – И последний вопрос. Насколько длительным может быть процесс изменения мировой системы? Или хотя бы отдельных стран, той же России?

АН – История в современном мире имеет также пространственное выражение. Рассуждения на данные темы в России – в рамках разговора о будущем – лет двадцать-тридцать тому были практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что касается «мировой системы», предельный рубеж антропологического универсума – грядущая сингулярность, актуальный – новый формат личности и среды обитания (ценоза), сложный характер взаимодействий, комплексный статус реальности.

Есть, однако, психологическая проблема. Трансформация нелинейна по природе и драматична по содержанию – это не продвижение куда-то, а несбалансированное изменение чего-то, т.е. мутация, преобразование. Обострение ситуации ускоряет время и повышает риски. Будучи асимметричным и скачкообразным, не исключая инволюцию и рекурентности, процесс реализуется не в хронологической последовательности, по крайней мере, не для всей популяции, – время расщепляется на автономные локусы и разновекторные регистры. Будущее сосуществует с настоящим (и прошлым), мы живем в потоке галопирующих перемен с возрастанием ставок – даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: движение из пункта А в конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой как статичность, т.е. в своих ожиданиях и предпочтениях склоняемся, фактически, к карнавализации застоя. Примерно так в СССР и представляли коммунизм, хотя Маркс определял его иначе: не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»...

Нас вряд ли ожидает переход к равновесному порядку. Скорее ойкумена будет окутываться усложняющейся оболочкой техносферы и пронизываться энергетикой перманентного транзита, конституируя неравновесный, слабоформализованный, динамичный статус антропологического империума, населенного многочисленными и разноликими индивидами: мир трансграничных существ и сообществ, осваивающих высокотехнологичный инструментарий. Поэтому люди, наверное, так фантастику и любят. Поскольку она в книгах, а книгу можно в любой момент закрыть и поставить на полку.

Ключевые слова: война, национальная безопасность, стратегия, трансформация, преадаптация, сложность, будущее.

Key words: *sinews of war, national security, strategy, transformation, preadaptation, complexity, future.*

***Адрес:** Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

****Для цитирования:** Неклесса А.И. 2016. Война в сложном мире. Деструкция и порядок // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. №3 (78) май-июнь. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, ИНТЕЛПРОС–Интеллектуальная Россия – 16 с.

Сокращенные версии докладов по военной проблематике в 2015 году публиковались в бюллетенях Комиссии и в «Независимой газете»:

- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Независимая газета. Идеи и люди. 16.03.2016.
 - Гибридный мир и сирийская комбинаторика. XXI столетие может стать временем перманентной войны // Независимая газета. Идеи и люди. 16.12.2015.
 - Гибридные войны. Облик и параметры вооруженных конфликтов в XXI веке // Независимая газета. Идеи и люди. 18.09.2015.
 - Черные лебеди над Донбассом. Социальная турбулентность украинских событий и ее глобальный контекст // Независимая газета. Идеи и люди. 10.06.2015.
- Полный текст этого доклада на Специальном мероприятии XXV Экономического форума (8-10 сентября 2015, Крыница-Здруй, Польша) «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке» см. на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия (intelros.ru): Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом // ИНТЕЛПРОС/СИНЛА №3, Москва: ИНТЕЛПРОС–Интеллектуальная Россия, 2015. – 24 с.
-

План семинаров «Нексус» (ИНТЕЛПРОС–2016):

1. Сложность (сложный человек в сложном мире) – *январь*
2. Сингулярность – *февраль*
3. Искусственный интеллект – *март*
4. Трансфинитная экономика (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, п-мерные деривативы, универсальное страхование) – *апрель*
5. Тетраматрица знания, новые образы знания (неотчуждаемое, нерациональное, личное) – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
6. Формы сознания, разнообразие видов интеллекта, человеческие качества – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
7. Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое и генетическое модулирование – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
8. Прогнозирование и его актуальные формы (форсайт, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, синергетическое как «возникающее свойство») – *май – июнь – июль – август (совмещенный семинар)*
9. Пайдейя (ЛИК): форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) – *сентябрь*
10. Смена методологий познания-действия-управления (с акцентом на методы косвенного управления); синергийное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным) – *октябрь*
11. Антропо-социальные структуры (видовое разнообразие мироустройства, смена социоценоза) – *ноябрь*
12. Гибридная война (в понимании: сложная, комплексная, синкретичная, постсовременная), усилие и насилие – *декабрь*

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН), член Научного совета по религиозно-социальным исследованиям Отделения общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного

редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Руководитель междисциплинарного семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Оборона РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015-2016), ИНТЕЛПРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 971. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН (постановление Президиума РАН № 285 от 8.10.2002). Усл. печ. л. 1,75. Уч.-изд. л. 1,5. 23.05.2016.